09.09.2021 / 20:22

«Мечтаю стать Киселевым». Большое интервью с провластным блогером Голиковым, который критикует БРСМ и разводится с «женой-бэчебэшницей»

Брестчанин Алексей Голиков появился в медиапространстве летом 2020 года. Он активно высказывался в поддержку власти, после чего «пошел на повышение». Сначала попал на интервью к Маркову на ОНТ, сам делал интервью с Караевым, Воскресенским, Муковозчиком, вел свою рубрику на канале СТВ. Но в последнее время блогер начал критиковать систему: негативно высказывался о БРСМ, заявлял, что «бэчебэшников не победили». А недавно публично рассказал, что разводится с женой из-за разных политических взглядов и теперь остается ни с чем. «Меня выбросило на улицу государство, за которое я выходил», — сказал 39-летний Голиков. Эти заявления блогера вызвали много хейта у его давних поклонников и удивление у оппонентов: мол, неужели переобулся? «Наша Нива» поговорила с Алексеем, чтобы выяснить, что у него в голове и что с ним происходит сегодня.

— Видео о разводе — это не пранк?

— Я сейчас не буду об этом говорить, так как имею определенные обязанности перед другой стороной. Поэтому сегодня, когда уже буду иметь на руках документы, будет все объяснено в прямом эфире с участием другой стороны. Ведь есть ее позиция, и я обязан и хочу, чтобы она была озвучена и услышана. Тогда, возможно, и ко мне отнесутся по-человечески.

— Будет эфир с вашей женой? Она согласилась?

— Так. Это ее условия.

— А зачем вы вообще выносили это все в публичное пространство?

— Потому что я вынужден. Так поставлены условия.

— Жена попросила?

— Потребовала.

— Потребовала сказать, что она «бэчебэшница»?

— Именно такого требования не было, но она настаивала, чтобы была правда о позиции другой стороны.

— А что значит «бечебешница» в вашем понимании? Это негативная формулировка?

— Сегодня есть прогосударственная позиция, которую поддерживаю я, и позиция альтернативная, которая видит Беларусь под бело-красно-белым флагом.

Негатив я в принципе не вкладываю ни в какие формулировки.

— Но когда-то вы называли людей «бчб-упырями». Было же такое.

— Я не отрицаю. Но «бчб-люди», которые были до выборов, — это одни люди. Видевшие развитие страны под бело-красно-белой символикой, отчисляли происхождение белорусов от литвинов.

И они имели право на это, и государство на тот момент говорило, что эти символы — белорусские, исторические. Но в августе 2020-го этот символ по понятным причинам просто был выпущен из рук тех, кто его держал, и попал в руки экстремистов. И сегодня тот, кто держит это знамя, автоматически представляется экстремистом. Ведь действия августа 2020-го трудно назвать разумными.

— А кто подал на развод: вы или жена?

— До прямого эфира не буду говорить, обязан придерживаться договоренностей. Все будет выложено без секретов, прямо и открыто на стриме.

— В своем видео вы сказали, что останетесь без квартиры, без машины, без детей. Почему так? Все оставляете жене?

— Есть понятие «исковые требования». И они обозначены так, что я должен или судиться, искать адвокатов, чтобы что-то оставить себе… или должен все простить.

— Выбрали «все простить»?

— Сложно об этом сейчас говорить. Объясню все в эфире.

— Последний вопрос на эту тему. Вы любите еще свою жену?

— Я не буду на этот вопрос отвечать.

«Я не выходил за Лукашенко никогда»

— В своем коротком ролике о разводе вы говорите, что вас выбросило на улицу государство. Почему так считаете?

— Я напрямую не виню государство. Но законы в государстве таковы, что надо признать: при разводе мужчина не защищен, он фактически остается ни с чем.

С другой стороны, можно понять и защиту женщин и детей со стороны государства: мужчина пусть зарабатывает, пусть все останется женщине, ей все же тяжелее в жизни.

Но получается, что какая-то в государстве социальная несправедливость. Когда ты стоишь на прогосударственных позициях и защищаешь фактически тот порядок и то государство, а тут получается все необъяснимо и несправедливо по внутреннему ощущению.

— Вы говорили о себе: «выходил не за Лукашенко, а за государство». А сейчас на это государство затаили обиду. Как это примиряется в вас?

— Я не выходил за Лукашенко никогда. И говорил, что являюсь его поклонником только в одной из передач на СТВ. И тут свои слова я не забираю назад, так как действительно являюсь его поклонником. Если сравнивать его действия с действиями президентов соседних стран… в одной южной стране сбежал президент, другой продал, третий — пошел на сговор…

— А кто и что продал? Кто пошел на сговор?

— Владимир Зеленский. Очевидно, контактирует с Западом. Может «сговор» не лучшее слово, лучше «соглашения» или «договоренности».

И с точки зрения даже своей мужской и человеческой позиции, то, как бы я ни относился к действиям Лукашенко, но как личность, как лидера — я уважаю его.

Прямо радикальной обиды на государство у меня нет. Тем более я выходил не за государство даже, а против того беспорядка, который случился или организовался в государстве. Вот против чего я выходил. Я был не согласен, что в стране происходит мятеж, бардак, беспорядок.

— А выходили где и когда?

— Я выходил в Бресте, когда 10, 11, 12 августа были протесты, и осенью. Когда в августе были шествия, хоровод на перекрестке. Я сбоку ходил, это освещал, показывал реальные действия толпы, что там происходило.

— Почему это все началось, по вашему мнению?

— Здесь не может быть одной причины. Мое личное мнение: причин здесь много, нельзя винить кого-то одного. Виноваты все стороны. И, с одной стороны, государство проспало появление оппозиционных блогеров. В этом вина государства, если так можно выразиться.

Также у государства не было четкой позиции по бело-красно-белой символике. Если раньше она была историческим символом, то сегодня это экстремистская символика. Если бы раньше изначально запретили все… а то в Бресте открыли магазин с этой символикой, а после экстренно его закрывают. Как это понимать?

Виновато и само общество. Не хочу обижать никого, но слушать 22-летнего пацана, который жизни не видел и из-за границы управляет — для меня необъяснимый процесс. Это не политика, это стихийно-эмоциональный процесс по управлению массой или толпой. И здесь вина самих людей, которые поверили в это и втянулись.

— Вы же не думаете, что люди вышли только потому, что 22-летний Степа им написал: «выходите на улицы!».

— Я глубоко уверен, что большинство вышло как раз через этот призыв. Должен был быть толчок. Чтобы человек начал что-то делать, должен быть какой-то триггер.

— Верите и в 80 процентов, которые Лукашенко набрал на выборах?

— Я не могу утверждать о точном количестве процентов, но я уверен, что все же он победил. У меня вызывают вопросы появление аудиозаписей сомнительного характера, так как я не могу знать их достоверность. Есть факты, чтобы я мог на них опереться и знать, что здесь — что-то неправильно, а там — 100 процентов сфальсифицировано? У меня таких фактов нет. А опираться на другие какие-то источники мне не позволяет критический ум.

— А что сейчас происходит в стране, по вашему мнению? Как вы воспринимаете это?

— Я вижу со стороны власти попытки всеми средствами выстоять от внешних санкций и монолитизировать общество, чтобы противостоять всем возможным угрозам. Объявлен Год единства, проводятся патриотические акции.

— Неужели верите, что, объявив Год народного единства и проведя десяток концертов, можно, как вы говорите, «монолитизировать общество»?

— Я же не говорю, что верю в это или нет. Вы же спросили, какие процессы происходят в стране. А насколько они эффективны — покажет время. Я больше верю, что нужен диалог. Но возможно ли его провести? Я и сам делал попытки, но на интервью согласилось только трое со стороны носителей другой точки зрения: Андрей Паук, Артем Шапаров и еще один парень. Остальные побоялись высказываться. Но и позиции Паука и Шапарова мне показались недостаточно конструктивными.

Поэтому с точки зрения хозяина Лукашенко делает сегодня правильные обоснованные востребованные действия в отношении общества и страны. Он пытается сохранить страну, выдержать бремя санкций. Вопрос в том, что нужно время, чтобы у народа внутренние противоречия успокоились.

Простите за такой пример: если человек пьян, то с ним говорить невозможно. Если он буйствует — его можно или оглушить, или блокировать. А когда пройдет этот хмель, из крови выйдет спирт, тогда с ним можно говорить. А теперь мне сложно сказать, готово ли наше общество. Я общаюсь с большим количеством людей, и многие «бэчебэшники» в себе замкнуты, не хотят говорить, многие просто боятся разговаривать. И для меня их страхи непонятны.

— Люди боятся того, что утром им выломает дверь ГУБОПиК. Вы видели, как выглядят квартиры после обысков? Когда специально ломают мебель, рвут фотоснимки? Вот чего боятся люди: что власть в грязных сапогах придет в их дом.

— Имею большое количество знакомых с «бчб-взглядами», но к ним не пришли. Я спрашивал, как они свои взгляды транслируют? Они говорят: не используем символику и не участвуем в экстремистских чатах. И естественно, что тех, кто призывал и участвовал, сейчас идентифицируют и достают.

— А в ваших взглядах что-то изменилось за этот год? Ведь вы начали критиковать БРСМ, высказывать замечания системе…

— На тот момент [в 2020 году] общество было возбуждено. Я же приходил посмотреть, что происходило после выборов, видел, как люди реально достают заточки, трубы из рюкзаков, то возникал вопрос: если вы шли на мирные протесты, то зачем брали эти средства заранее? Я тогда испугался, что люди изначально шли, чтобы калечить.

— Вы зафиксировали на видео эти трубы и заточки? Я видел митинги — и не видел почему-то ни заточек, ни труб.

— Я снимал, но сейчас у меня телефон поменялся. Но по ТВ показывали, как заточки из машин доставали.

— Вы сами сняли тех людей с заточками и трубами, которых видели?

— С трубами да. В стримах я снимал, там оно есть. Но снимал еще не для стримов. Не могу видео предъявить, но своими глазами видел. Плюс бросали камни, плитку — это же все публиковалось.

И на тот момент — год назад — ситуацию надо было обуздать. Это не значит, что все было очень хорошо во власти, проблемы были и тогда. Но надо было сначала навести внешний порядок. Теперь нужно навести порядок внутри государства.

— Если правильно понимаю, год назад было не то время, чтобы поднимать проблемы? Вы их видели, но считали, что нужно не сейчас их озвучивать?

— Так. Я не изменил взгляды. Моя публичная позиция может восприниматься некоторыми как то, что я «переобулся». Но это неправильно.

На тот момент, повышенной активности, просто не нужно было решать эти мелкие проблемы. Но как только активность спала, я начал искать причины, почему это произошло. Моя позиция прежняя — проблемы в государстве есть и их надо решать.

— Критика власти принесла вам много хейта в комментариях. И что с вашей рубрикой на СТВ?

— Не вышло два выпуска. Могу описать обстоятельства. Когда я начинал выходить на СТВ, мне люди говорили: мол, вот продался! Я тогда ответил: не продался, буду говорить только то, что хочу сам, и выпуски могут не выйти только по двум причинам. Или я заболею, или моя позиция станет неудобной для власти.

На данный момент я не заболел. Но и нет официальной информации от канала, что со мной прекратили общение на каких-то основаниях. Есть устное распоряжение, что пока в эфир я не выхожу.

«С Азаренком я бы пошел в разведку. С Пауком — не уверен, с Бегуном — тоже нет»

— Назову несколько известных фамилий, охарактеризуйте ваше отношение к каждому из этих людей. Лукашенко?

— У меня не было с ним персонального разговора, хотя есть большое желание с ним поговорить. Но если судить по его действиям публичным — это сильный лидер-хозяйственник. Да, эмоциональный, до резкий. Но, блин, кроме как лидера с

сильной хваткой, я не могу его воспринимать. Назвать его слабаком или трусом — проиграть. Ведь ты будешь думать, что он трус, что испугается — а он бах! И не испугался, и все, ты проиграл.

— Про яйца его что-то скажете? А то все же вспоминают.

— То, о чем вы говорите, можно говорить, но не думаю, что в разговоре и в публичном пространстве стоит этим замазывать рот.

— Какой главный вопрос вы бы задали ему, если бы все же удалось поговорить?

— Я бы спросил: Александр Григорьевич, какой смысл вашей жизни? Зачем вы живете?

— Караев?

— Не знаю его личных качеств. Но как эффективный инструмент по управлению обществом в критической ситуации он — наиболее правильно подобранный инструмент.

— Кубраков?

— МВД работает, громких преступлений, связанных с бытовой преступностью, нет. Значит, ведомство работает эффективно.

— Карпенков?

— У меня нет симпатий или антипатий, говорю об эффективности действий. Но вижу, что периодически появляется информация о задержании организаторов чатов — значит, работа делается эффективно.

— Но почему эта работа делается с таким неуважением к людям? И унижением их достоинства? Во время обыска у Кати Пытлевой их семейные снимки просто порвали. Зачем это? Что это?

— Я там не присутствовал, не видел и имею опыт верить только тому, через что проходил сам.

Фото из квартиры Пытлевой после обыска

Вы же понимаете, что журналисты могут грешить и подбрасывать, чтобы создать эмоции. И в этом случае могло бы быть так же.

— А не боитесь, что однажды придется самому пройти через это? Увидеть наконец?

— Я не боюсь, потому что ничего не нарушаю. Не призываю к перевороту, к незаконным действиям, не оскорбляю. Поэтому не боюсь. Если с совершу уголовное преступление — понесу наказание.

— А что нарушал человек, у которого стояла коробка из-под телевизора с бордовой полосой? Ничего. Но и к нему пришли.

— Понимаю, о чем вы. Но здесь тонкий политический момент. Ведь если граждан предупредили, что символика экстремистская и недопустимая, что государство будет с ней бороться — то человек, который выставил коробку, обозначает свою причастность к экстремистским действиям или взглядам.

Имеет право так делать, его свободный выбор. Но должен понимать, что его могут привлечь к ответственности. Я могу сравнить это вот с чем: если человек принял присягу и не взял оружие, то его могут расстрелять в военное время. И будут правы, потому что он дал присягу. А того, кто не клялся, никто судить не будет.

— Я не понял. Если людей судят за «Погоню», которая не только не запрещена, а еще и признана историко-культурной ценностью, то человек должен сам додуматься, что нельзя выставлять коробку из-под телевизора LG?

— Это тонкая граница взаимной провокации. Женщина должна уметь промолчать, а мужчина — уметь не на все огрызнуться. То же и в государстве: если вы видите, что такой накал в стране через символику, то зачем эта провокация?

— На ваш личный взгляд, этот человек виноват?

— Мне трудно ответить, честно.

— Давайте тогда дальше. Кочанова?

— И внешне, и визуально, и по выступлениям — железная леди.

— Бабарико?

— Я приходил на его встречу в Бресте. Если говорить по Станиславскому — я не верю. Для меня все люди, работающие с банковской системой, с процентом, с деньгами… я не верю.

— Прокомментируете приговор ему? 14 лет колонии.

— Чисто с человеческой точки зрения, если он имел все, к чему, например, я бы стремился: «Лэнд Крузер», дом, деньги… а после рискнул замахнуться на большее… Я сейчас чувствую только сожаление — неудачник. У него не получилось. Не имею злости, ненависти к нему. Но он неудачник.

— Колесникова, Знак?

— Про Знака не буду говорить, не знаком с его деятельностью.

Колесникову видел на митинге в Бресте. Возможно, я скептически отношусь к женщинам, но, говоря культурно, Колесникова эмоциональная женщина. Если говорить народным языком, бешеная баба. Ее переодеть в брюки и сделать мужчиной — была бы красавец, была бы второй Лукашенко. Но как женщина… не может тычинка быть пестиком. И эти призывы: долбить, ломать, крушить… Я по природе не революционер.

— Ваша реакция на их приговоры?

— Это было ожидаемо. Люди, садящиеся за руль, рискуют попасть в аварию. Не потому, что они виноваты, а потому, что их просто собьют. Люди, которые идут во власть, должны понимать, что идут в высококонкурентную среду, где нет правил.

— Тихановская?

— Мне ее жалко. Мы ровесники, но я воспринимаю ее как дочь. Я видел ее лицо, мимику — это ребенок.

— Азаренок?

— Меня много подкалывают Гришей и его риторикой. Мы с ним в приятельских отношениях. Если говорить о журналистике и его эфире — он боец. Волкодав, который рвет с кровью и мясом. Но лично я не готов так делать. Есть люди жесткие, есть мягкие. Гриша жестче, чем я. Я бы сравнил его с Владимиром Соловьевым.

— Не стыдно иметь такого друга?

— Стыд — эмоция. А я не живу эмоциями. Мне стыдно только тогда, когда я не прав и извиняюсь.

— Может, поэтому и разводитесь, что не живете эмоциями. Иногда полезно.

— Возможно, и полезно. Но ведь каждый живет, как у него получается.

Я могу назвать своими приятелями как Гришу Азаренка, так и Илью Бегуна, Артема Шапарова, Андрея Паука. С каждым из них я сяду за стол и поделюсь хлебом. Надеюсь, что и они поделятся.

Но с Гришей я бы пошел в разведку. С Пауком — не уверен, с Бегуном — тоже нет. Неважно, правильно делает Гриша или нет. Он не меняет позицию, он надежен.

— Муковозчика читаете?

— Так. Чтобы можно было сравнивать, это Зеленский, его «95 квартал».

— Вам весело его читать?

— Как сказать… Если есть колбасу, то она с разными специями. Не пресная, разная.

— Муковозчик — это колбаса?

— Нет-нет, я говорю, что он делает вкусный продукт.

— «Желтые сливы» и прочая интернет-опричнина, как относитесь к ним?

— Я отношусь к «Сливам» и другим спокойно, как и к каналу Степана Светлова. Одинаково. Это два эффективных инструмента, два ресурса, которые работают почти одинаковыми методами. Только ресурс Степана проиграл, а «Желтые сливы» выиграли. Один оказался красавец в шоколаде, а второй — неудачником. Так сложились звезды.

— Вам просто как читателю не противно их читать?

— Я же говорю, я ушел от эмоций, поэтому читаю все ресурсы и даже все комментарии в свой адрес. И слова «противно» у меня нет. Я воспринимаю это как естественный продукт человеческой натуры. Вы же знаете, что я работаю в морге. Некоторым там находится противно. А мне — нет. Есть рвота, желудочные массы. Кто-то назовет это специфическим полулитературным словом, а я назову медицинским термином.

«Наши чиновники слишком тепличные»

— Каковы ваши личные политические взгляды? Вы сторонник чего: коммунизма, демократии? Монархист? Какой строй идеальный?

— В каждом наряде есть и плюсы, и минусы. В моем представлении, то, что делала Германия в годы войны, когда поднимала свою промышленность, это был порядок. И надежность. Мы все знаем о том немецком порядке, который существует и по сей день. Можете слово фашизм заменить на слово «диктатура» — диктатура порядка.

(Редакция осуждает и не поддерживает фашизм и нацизм, не согласна с позицией блогера — прим. «Нашей Нивы»).

Если смотреть на реализацию гражданских прав в обществе, то здесь я сторонник социализма. Ведь в любом случае все, что на Западе, я воспринимаю как капитализм. Буду говорить примитивно. Это воспринимается как конкуренция, рынок. Конкуренция никогда не может сдерживаться законами и правилами, люди будут их нарушать, чтобы захватить больше. Этим живет Запад.

В социализме система лучше распределяет блага. Хотя механизмы распределения вызывают большие вопросы. И в СССР была коррупция. Поэтому обе системы имеют недостатки.

И в Беларуси сейчас есть элементы и демократии, и диктатуры.

— Какие главные проблемы сегодня в белорусской системе?

— Могу говорить исключительно как гражданин и блогер. Думаю, что чрезмерный формализм и перестраховки со стороны чиновников, недостаток политической воли в чиновниках на местах. Им нужно согласовывать любое действие. Наши чиновники очень тепличные.

И забюрократизированность.

— Как относитесь к судам, задержаниям, которые идут сегодня. Это репрессии?

— Я не воспринимаю как репрессии в эмоциональном контексте. Я воспринимаю это как наказание, постигшее нарушителя.

— А к тому, что ни одного силовика не наказали за насилие в отношении людей?

— А кто сказал, что ни одного не осудили?

— Недавно было озвучено, что ни одного дела по обращениям не будет заведено.

— Я воспринимаю информацию так. Если были превышения полномочий со стороны силовиков, то уверен, что они буду расследоваться. И я уверен, что если они превысили где-то что-то, то их накажут, но общество об этом не узнает.

Второй момент. Не исключаю, что это специфическая ситуация, в результате которой действия силовиков, если можно так сказать, спишут или простят. Их воспринимают как адекватные обстоятельствам.

Ведь если человек в мирное время кого-то ударит ножом — это преступление. На войне или когда человеку грозит что-то — это не расценят как преступление.

— Интересно, что угрожало силовику, который стрелял в спину моей коллеге Наталье Лубневской, которая впоследствии провела почти 40 дней в больнице? Хорошо, что через профнепригодность или что-то другое он попал ей в ногу.

— А есть доказательства?

— Да, есть видео, все есть.

— Есть доказательства, что он целенаправленно целил спину, чтобы убить?

— Если силовик стреляет в спину и попадает в ногу, то какие тут нужны доказательства? Или когда он стрелял мимо, в стену, а попал в человека — значит, что он профнепригоден. Должно быть уголовное дело и суд. Ничего не было. Это была война?

— Вы так интерпретируете ситуацию. Я тот специфический человек, который не верит никому, специфика моей работы «вскрытие покажет». Мне нужны факты.

— Несложно их найти, они публиковались не раз. Вы говорили, что коронавирус — психоз и мировой заговор. Еще так считаете?

— В основном, да.

— В маске ходите?

— Нет. Только там, где требуется по закону.

— Не верите, что можете заболеть?

— Верю, что если мне суждено прожить 40 лет — то больше не проживу. А если суждено 80, то раньше не умру.

— А если вы, болея бессимптомно, кого-то заразите, то ему просто суждено было вот столько прожить?

— Верю, что человеческая жизнь мало зависит от нас, если мы сами себе не вредим. Если я прыгну под машину — я сам виноват в своей смерти, это суицид. В противоположном случае — нет.

Я не хожу в маске на свежем воздухе. А там, где государство решило носить, — ношу.

— Прививку не делали?

— Пока не успел, большая загруженность.

— Вы зарабатываете тем, что гримируете покойников? Как пришли к этому?

— Основное занятие — вскрытии и посмертный туалет. Я выбрал работу, так как имел настоящий интерес к человеку. Что он такое, что внутри него, как все это работает?

— И что такое человек?

— По сути своей, человек — это животное.

— Вы же живете в Бресте. Как относитесь к аккумуляторному заводу?

— Я живу под Брестом. Отношусь позитивно.

— Не боитесь того, о чем говорят люди?

— Нет. Ведь люди верят в гороскопы, суеверия, боятся черных котов.

«Бить безоружных людей — добро или зло?» — «Зависит от обстоятельств»

— Кто для вас ориентир в медиа, среди блогеров?

— Здесь два критерия: подача и смыслы.

Если смотреть на подачу, то мне симпатичен Варламов. Ведь он делает динамично, вкусно, остро, красиво.

Если смотреть с точки зрения смыслов как пропаганды, то тут Дудь и Гордон. Ведь независимо от того, какую сторону они занимают, какие взгляды имеют, они свою работу делают эффективно.

Если смотреть журналистику, то я бы мечтал стать Киселевым.

— А что не дает? Имели же шанс на СТВ.

— Киселевым не в смысле пребывания на телевизионной площадке, а в смысле владения языком, донесения и формирования смыслов, общественных взглядов.

— Какова цель вашей блогерской деятельности?

— Отвечу так: я прекращу снимать, если в обществе не будет социального напряжения. Ведь все мои материалы отражают проблемы.

— Вы сами себя кем видите?

— Равноправным гражданином, имеющим право на выражение своего мнения.

— Тонкий момент, ведь сегодня большая часть общества не имеет такого права.

— Не согласен.

— Попробуйте выйти в майке с «Погоней» на улицу.

— Не соглашусь. Каждый гражданин имеет право высказываться в любой форме, хоть нецензурно, у себя дома, на кухне, в туалете. Как только он вышел на улицу и высказывает мнение с матами — ему сделают замечание и могут привлечь к административной ответственности. Если он будет представлять угрозу, говорить, например: «Ты мне не нравишься, я тебя завалю «, — он попадает под криминалку.

— Вы сравниваете человек в майке с «Погоней» и убийце?

— Я не про «Погоню», я говорю в принципе. Давайте честно: вы хотите сделать эту ситуацию ангажированной, стянуть в одну сторону. Но до 2020 года никто не трогал «Погоню», и с флагами ходили без проблем.

— Просто выглядит, будто вы поддерживаете эту идею, что «иногда не до законов».

— Нет-нет, подождите. Закон не может быть выше здравого смысла. Если руководствоваться законом в буквальном виде, вы сами понимаете, что можно наломать дров больше, чем при отсутствии законов. Как раз я за то, чтобы руководствоваться законом. Законом и руководствуется власть. Когда власть установила, что символика является экстремистской на данный момент…

— Как раз нет, бело-красно-белая символика не признана экстремистской.

— Понимаю, что закон пока не принят. Но все, кто проинформирован через СМИ, все, кто отождествляет себя с бело-красно-белой символикой, все они себя причисляют к экстремистам.

— Вы сами говорили, что «бэчебэшников не победили, настроения тлеют». Вы сами чего бы хотели? Чтобы эту символику запретили?

— Правильно было бы, чтобы «бэчебэшники» сели за стол переговоров с «красно-зелеными». И выяснили самое простое — что такое добро, а что зло. И все. Как только определят, что для народа добро, а что зло, то автоматически вопросы о символике исчезнут.

— Бить безоружных людей — добро или зло?

— Зависит от обстоятельств.

Nashaniva.com

ЧИТАЙТЕ ЕЩЕ

Житель Кировска собирался «поставить скрытую камеру на избирательном участке»

Убил куратора от КГБ, провел 20 лет в тюрьмах — история жизни полиэмигранта Сергея Пономарева

Кандидат-спойлер об участии в выборах: «Я — коммунист с большим стажем. Партия сказала «надо» — значит, надо»

На показательный суд над уклонистом в Пинский военкомат привели младших школьников. А сам уклонист не пришел